

«Зверь юнь»

В своей книге «Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.» А.Л. Топорков опубликовал заговор, записанный на полях *Псалтыри* XV в.¹ Подробный и разносторонний анализ текста этой записи занял достойное место в книге. Тем не менее, некоторые вопросы остались нерешенными. Это касается и словосочетания *зверь юнь*, действительно, сложного для интерпретации ввиду отсутствия аналогий. «Ни в каких других текстах, — пишет автор, — оно нам не встретилось». Приведем его в контексте:

се азъ звѣрь юнь
 шчи мои звѣи
 а гроза моя цѣва
 владитеса мене крѣтъане
 аки шчи волка

А.Л. Топорков весьма детально проанализировал этот текст и сделал полезные наблюдения. Так, он обратил внимание на книжный характер начала заговора. Далее, автор предполагает, «что номинация «зверь юнь» связана с древне русским «юнецъ», «унецъ» (бык, телец)», хотя последующая характеристика зверя «такому пониманию не вполне соответствует».² Его характерные черты вызывают у автора «ассоциацию со львом, хотя в принципе «царевой грозой» может быть наделен не только лев, но и другие звери». Сомнения автора приводят его к мысли о том, что «в принципе под «юным зверем» в тексте может подразумеваться и волк». А.Л. Топорков пытается расширить ассоциативный ряд с тем, чтобы идентифицировать «зверя юна», привлекая библейские тексты. Он проникательно замечает, что «этот зверь сочетает царское величие и сатанинское начало, несет в себе угрозу и возбуждает страх». Но основным препятствием к его отождествлению все же остается его обозначение «зверь юнь».³

Поэтому начнем сначала, т.е. с формальной стороны. Начало анализируемого текста, т.е. его инициальная формула имеет специфический характер. «В ней, — отмечает А.Л.Топорков, — не говорится ни «раб» ни «раб Божий», в результате чего текст не привязан к конкретному исполнителю».⁴ Если же при этом учесть исключительно книжное словосочетание «се азъ», то можно предположить заимствование фразы из какого-то текста, где образ зверя, скорее всего, не являлся метафорой. В нем подчеркивается звериная природа (*чи мои звѣи*), но без идентификации с конкретным представителем фауны. Угрозу, причем угрозу высшего уровня («цареву»), он представляет по конфессиональному признаку — для христиан. Это позволяет нам предположительно видеть в качестве источника исследуемой формулы какой-то эсхатологический текст. А.Л. Топорков не исключал такой возможности, обращаясь, правда, вскользь, к апокалиптическим пророчествам Даниила, Иезекииля, св. Иоанна Богослова и к их толкованиям, в частности, св. Ипполита Римского.

Юнын / ѹнын в древнерусской лексике имеет строго определенное значение — юный, молодой: Остромирово Евангелие — «егда бѣ юнѣ»; Даниил Заточник — «юнѣ возрастъ имѣю»; *Сборник Святослава* 1076 г. — «мужъ унѣ въздрастѣмъ»; *Поучение Владимира Мономаха* — «унѣ бѣ и сстарѣхся». ⁵ Нигде и ни при каких обстоятельствах за рамки этого значения термин не выходит. Словосочетание *зверь юнѣ*, где *юнѣ* означало бы «молодой», по смыслу выглядит достаточно рискованно. ⁶ Почему, думаем, ни до, ни после исследуемого случая оно не зафиксировано.

Важно учитывать и явно книжный характер заговора. Ведь если составитель его пользовался конкретным текстом, то вполне естественна гипотеза об ошибке, обусловленной состоянием источника, либо его исправлением. В качестве рабочей гипотезы предположим, что исходным словосочетанием было *зверь инѣ*.

Термин *инѣ* имеет достаточно специфическое значение. В основном, он носит характер неопределенности — «какой-то», «некий»: *Житие* Феодосия Печерского (XII в.) — «и се же паки инѣ боляринѣ»; *Пролог* (XIII в.) — «приде же инѣ цесарѣ»; чудеса св. Николая по сб. XIV в. — «нѣкто же инѣ бояринѣ»; *Сказание о Макарии Римлянине* (нач. XV в.) — «преде инѣ глас с нѣбесе». И только в одном случае термин используется в значении «другой», «иной»: *Кормчая* 1284 г. — «во инѣ манастирь». ⁷ Кстати, обращает на себя внимание, что термин *инѣ* известен по текстам XIII — нач. XV вв. Эту закономерность подтверждает применение еще устойчивой лексики с его использованием «мирѣ инѣ» в значении «мир иной, потусторонний»: сборник XIV в. — «како прѣступимъ въ онѣ мирѣ»; поучения Федора Студита (XIV в.) — «во инѣ мирѣ ... пренесостеся»; Григория Богослова 16 слов (XIV в.) — «мирѣ же *другой* намѣ»; сборник житий и слов XIV–XV вв. — «*иная* жизнь и *други* мирѣ». ⁸

Итак, определения в форме *инѣ* в письменных источниках раньше XII в. мы не встречаем, о чем, кстати, красноречиво свидетельствует анализ лексического состава *Повести временных лет*. ⁹ Он синонимичен определению *другой* и взаимозаменяем с ним в устойчивых словосочетаниях, например, с «мирѣ».

У св. Ипполита есть одно произведение апокалиптического характера, которое в переводе конца XIX в. получило название «Слово о Христе и антихристе». ¹⁰ Его древнерусский перевод известен в списке XII в., где оно озаглавлено как *Слово о Христосѣ и о антихристе*. ¹¹ Его составитель цитирует текст пророчества Даниила о явлении четырех зверей — предвестников прихода антихриста. Явление третьего зверя описывается следующим образом: **Видѣхъ. и се звѣрь другыи. акы рысь. [...] Бѣ слѣдъ его видѣхъ.** ¹² В данном случае *другыи* не является числительным, т.к. *звѣрь въторый* был назван выше, нельзя предполагать и значение «дружественный», «следующий за первым», «другой». ¹³ Оставшиеся значения, — «иной, отличающийся», «некий», как мы видели, легко взаимозаменяемы с термином *инѣ*, что для текстов духовного содержания в XIII–XV вв. становится нормой. Такую вероятность подтверждает и новый церковно-славянский перевод текста св. Ипполита с греческого, выполненный в 1897 г. В нем этот отрывок выглядит следующим образом: «Видѣхъ, и се звѣрь *инѣ* акы рысь [...] Созади сего видѣхъ». ¹⁴

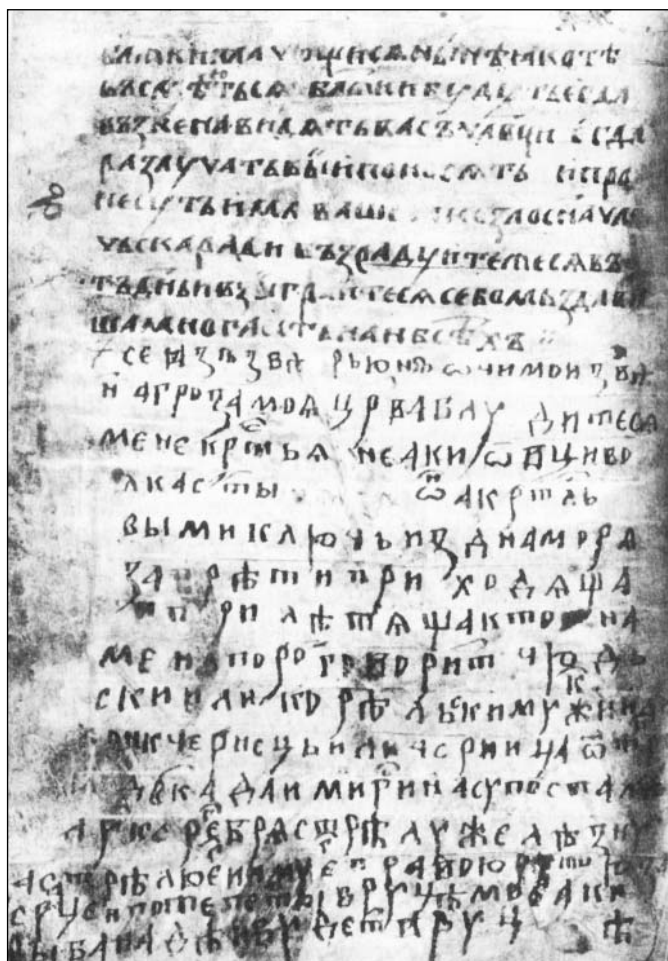

Рис. 1.

Однако в тексте заговора речь именно о «третьем звере» идти не может, так как ссылка на *очи ... звери* не может к нему относиться. Пророк Даниил подчеркивает, что он не видел глаз «третьего зверя», так как к этому не располагал ракурс — *въ слѣдъ его видяхъ*. Не описывает он глаз и «первого» и «второго» зверя. Зато у четвертого он отмечает — *и се акы очи члвччстьк*.¹⁵ Эта фраза почти буквально совпадает со второй строкой заговорного текста, если принять во внимание, что частица «се» относится и к ней: «се ... *очи мои звери*». Замена *члвччстьк* на «зверь» становится логичной, учитывая обратную направленность процесса, — оборотничества, — т.е. приобретение человеком характеристик «зверя», а не наоборот. Таким образом, речь в заговорном тексте идет не о конкретном «звере», а о его собирательном образе, приближенном к образу антихриста. В этом случае термин *инъ* в значении «некий» становится обязательным.

Не все так просто и с третьей строкой заговора — *се [...]* гроза моя црѣва. Сопоставление с устойчивой лексемой заговорных текстов XVIII–XIX вв., — «гроза царская», — на которую ссылается А.Л. Топорков,¹⁶ свидетельствует о ее устойчивости, но ничего не говорит о происхождении. Источник ее можно усмотреть в том же тексте св. Ипполита:

*дѣсѣть црѣ соуѣть. иже не соуѣть црѣство приаши. нѣ власть акы црѣ въ єдинѣ часть. приимѣть съ звѣрьмь. Ти єдинѣмь оумѣмь коудѣть. и силоу и власть ихъ звѣрьмь преддѣть.*¹⁷

В тексте идет речь о передаче «зверю» силы и власти десяти царей, а точнее, о приобретении апокалиптическим «зверем» их «силы и власти». Аналогичная ситуация в апокалиптическом плане под 1238 г. описывается в *Синодальном* списке НПЛ — «отъя господь у насъ силу а недоумѣние и грозу и страхъ и трепеть вложи в насъ».¹⁸ Об этом же в *Толковой Палее* 1406 г. — «антх(с) тѣ възложитъ грозу ... на всакого члѣва».¹⁹ Таким образом, отождествляя себя со «зверем» Апокалипсиса, автор заговора присваивает себе и его качества, — «грозу». С ее помощью он собирается отнимать высшие атрибуты в системе феодальных ценностей — «силу и власть» десяти царей, т.е. в некоем гипертрофированном виде. «Гроза» может передаваться («вложи», «возложи»), что очень важно для атрибутов заговорной культуры. Ее неиссякаемость и происхождение как раз и подчеркивает эпитет «царева».

Такое предположение подтверждает и подпись под изображением «страшного зверя» на бересте XIII в., на которую А.Л. Топорков справедливо обратил внимание, — «Я звере».²⁰ Т.е. в это время уже самостоятельно функционировал образ «зверя», близкий апокалиптическому. По мере удаления от первоисточника он терял формальную связь с ним. Поэтому превращение фразы *се звѣрь дроуѣи* в формулу заговора *се азъ звѣрь инѣ* не выглядит невозможным. Дальнейшая трансформация этой формулы в «я звере» или «се язъ, зверь юнѣ» на фоне давно известного книжного «лютого зверя»²¹ («звѣрь лють») на протяжении XIII–XVI вв. представляется логичной. В результате чего сложился фразеологизм «зверь юнѣ», — «творчества переписчика»²² или порчи оригинальной записи, — не существенно. Показательно, что продолжения он не имел. Это также подтверждает наше предположение о том, что его происхождение обусловлено отходом от текста первоисточника.

1 Топорков А.Л. *Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.* М., 2005, 46–48.

2 Сближение, несомненно, подсказано соседним расположением словарных статей «юныи» и «юнецъ» в словаре И.И. Срезневского.

3 Топорков А.Л. *Заговоры*, 50–52, 98.

4 Топорков А.Л. *Заговоры*, 50.

5 Срезневский И.И. *Материалы для Словаря древнерусского языка*. Т. 3. СПб., 1903, 1232–1233, 1628.

6 Топорков А.Л. *Заговоры*, 100.

7 *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*. Т. 4. М., 1991, 162–164.

8 *Словарь древнерусского языка*. Т. 4, 541.

9 См.: Творогов О.В. *Лексический состав «Повести временных лет»*. К., 1984. Ср. показательную замену *итѣроу* въдовлицу (Архангельское евангелие 1092 г.) на *иноу* въдовлицу в Мстиславовом

- (нач. XII в.) и Евсевиевом (1283 г.) евангелиях (см.: *Апракос Мстислава Великого*. Под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983, 111в; *Архангельское евангелие 1092 года. Исследования, древнерусский текст, словоуказатели*. М., 1997, 70; *Євсевієве євангеліє 1283 року*. Під ред. В.В. Німчука. К., 2000, 59).
- 10 *Творения святого Ипполита, епископа римского, в русском переводе*. Вып. II. Казань. 1899, 9–46.
 - 11 *Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII в.* Изд. К.И. Невоструев. М., 1868. Ч. II, 1–111.
 - 12 *Слово об антихристе*, 31–32.
 - 13 Это же очевидно и из описания рогов «четвертого зверя»: и десять рогъ емоу владше. Съмютрихъ въ розѣхъ емоу и се рогъ дрюгъи малъ. въсхождаше посредѣ ихъ. (*Слово об антихристе*, 32).
 - 14 *Творения*. Вып. II, 19.
 - 15 *Слово об антихристе*, 32.
 - 16 Топорков А.Л. *Заговоры*, 53.
 - 17 *Слово об антихристе*, 54.
 - 18 *ПСРЛ* 3: 75.
 - 19 *Словарь древнерусского языка (XI–XII в.)*. М., 1989. Т. 2, 392.
 - 20 Топорков А.Л. *Заговоры*, 51.
 - 21 Св. Ефремъ Сиринъ. Слово на Пришествие Господне, на скончание мира и на пришествие антихристо. *Творения*. Т. 2. 1993, 257.
 - 22 Можно предположить, что в нашем «исходном тексте» *инь* было написано с ижицей (ѣнѣ), которую последующие писцы в зависимости от обстоятельств могли понимать и как *оу* (ѣнѣ) и как *ю* (ѣнѣ) (о функции ижицы и ее субститутах в славянских текстах см. обстоятельно: Александр Б. Страхов. Об орнаментальных принципах организации строки в древнерусских текстах как основе графико-орфографического варьирования. *Paleoslavica* (IX, 2001), 5–71; Александр Б. Страхов. О древнерусской строке, московской «ижице» и греческой «гамме». *Paleoslavica* (XIV, 2006), 320–326). Вероятность указанного написания *инь* подтверждается и формой *вѣднѣса* в том же тексте. Благодарю А.Б. Страхова за консультацию.

Вадим Ставиский

975 г. Случай на охоте (варианты прочтения сюжета)¹

Несчастный случай на охоте — вдали от людских глаз — всегда подозрителен. В этом смысле летописная статья 975 г., казалось бы, подобных загадок лишена. В ней прямо говорится об умышленном убийстве:

Ловь дѣюще Свѣналдичю . именемъ Лють . ишедъ бо ис Києва гна по звѣри в лѣсѣ . и оузрѣ и Шлегъ . и ре^е кто се естъ . и рѣша ему Свѣналдичъ . и заѣхавъ уби и . бѣ бо ловы дѣа Шлегъ . и ѡ то[мъ] бы^е м[еж]ю ими ненависть . Ярополку на Шльга . и молваше всегда . Ярополку Свѣналдъ . поиди на брать свои . и прими волость его . хотя ѡмьстити сну своему².

В то же время рассказ оставляет впечатление некой эпической упрощенности³. Прежде всего, удивляет, как убийство сына воеводы (хотя и весьма близкого к княжескому дому) могло стать поводом для братоубийственной войны самих князей — Ярополка и Олега. Другими словами, как охота переросла в войну?

Отвечая на этот вопрос, очевидно, будет уместно коснуться смыслового объема понятия *охота* с точки зрения людей средневековья. Тем более, этого